

РОМАН
ВАЛЕРИУС

КРОВЬ УРОБОРОСА

КНИГА 1.

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

В15

Роман Валериус
КРОВЬ УРОБОРОСА

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрации на обложке и форзаце *Наталья Никитина-Мисюк*
Дизайн обложки *Василия Половцева*

Валериус, Роман.

В15 Кровь Уробороса / Роман Валериус. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Нова Фикшн. Тайные города).

ISBN 978-5-17-123128-6

Роман Валериус — вампир и журналист получает от верховного вампира Уробороса опасное задание: отправиться в зону боевых действий, где загадочная сила истребляет и людей, и сверхъестественных существ. Собрав команду из волколака-байкера, ведьмы владелицы стрип-клуба и вурдалака-кутюрье, Роман отправляется в путь — но почти сразу герои сталкиваются с чередой зловещих происшествий: от магической аварии на борту самолета до засады у Днепра и попытки отравления в отеле.

По мере продвижения к цели их ждут все более пугающие открытия: пустынный город, странные существа, таинственный инженер, которого по ошибке похоронили заживо, и, наконец, древний склеп, хранящий секрет амбициозного замысла по воскрешению мертвых и созданию нового человечества. На кону — судьба мира, а цена победы может оказаться слишком высокой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-123128-6

© Валериус Р., 2026
© ООО «Издательство АСТ»,
оформление, 2026

Во тьме — застывшей, мертвой, неживой — пела скрипка. Пела тихо, тонко, на одной-единственной ноте, словно горько, безнадежно плакала обиженная кем-то маленькая девочка. Я замер на миг, прислушиваясь, и понял, что это не девочка плачет, а душа, оторванная от тела и потерявшаяся в крошечной тьме. Скрипка все тянула и тянула одну тоскливую ноту, и вдруг умолкла, и откуда-то из пустоты донесся хриловатый голос ветхозаветного патриарха, говоривший напевно, так, словно пытался воспроизвести музыку сфер, внятную, однако, лишь ему одному.

— Я вижу свою душу в зеркалах, — пел голос, — душа моя неслыханно мала, — пел голос, — не более бумажного листа, — пел голос, — душа моя неслыханно чиста...¹

Я узнал это пение и этот голос, он вел меня по темному длинному коридору, вел вернее любого компаса, вел единственным возможным путем, по

¹ Из поэмы Иосифа Бродского «Зофья» (1962 год). — тут и далее примечания автора.

узкой, невидимой во тьме тропинке, по обеим сторонам которой пространство обрывалось в бездну.

— Лужайка обрывалась с половины. За нею начинался Млечный путь. Седые серебристые масляны пытались вдаль по воздуху шагнуть...² — вдруг зазвенело у меня над головой.

Там, в пустоте, звучал уже совсем другой голос — не скрипка и не патриарх. Он выговаривал каждое слово, словно дошкольник, которого поставили на стул перед елкой пропеть рождественские стихи, и вот он их пел — наивно, по-детски, стараясь не пропустить и не перевернуть, чтобы мир устоял и не обрушился в тартарары. И с каждым словом тьма пятилась, и свет впереди разгорался, и тропа ширилась, и отступала бездна по обе стороны от меня.

— Светильник светил, и тропа расширялась³, — прогремел первый голос, и из тьмы я наконец вышел шагнул в свет.

Но свет обманул мои надежды. Он не был бесконечным и всепоглощающим, он имел границы и формы. Это тоже был туннель, но только не черный, а сияющий настолько сильно, что в сиянии этом растворилось все вокруг. Форму и протяженность сияния я не мог разглядеть, но ощущал его всеми пятью чувствами — это был бесконечный слепящий коридор, издававший тихое шуршание, заглушавший и скрипку, и любые голоса, совершенно холодный и гладкий на ощупь; соленое на вкус, сияние терпко пахло железом. Голоса сгинули, пропали в пустоте, и я остался один.

² Из стихотворения Бориса Пастернака «Гефсиманский сад» (1949 год).

³ Из стихотворения Иосифа Бродского «Сретенье» (1972 год).

«Так вот он, свет в конце туннеля, — подумал я. — Дошла, наконец, очередь и до меня...»

Пока вокруг царила тьма, было невыносимо страшно, но теперь, попав в свет, я воспрянул духом. Здесь не надо было даже двигаться, можно было просто лететь, и вот я летел вперед, и сияние несло вместе со мной, и пронизывало меня, и наполняло силой и восторгом — вечным, нескончаемым.

В сияющей этой вечности я вдруг ясно ощутил течение времени. Секунды неторопливо набухали, вытягивались и срывались вниз, как падают капли из неплотно закрытого крана. Ба-ам... ба-ам... ба-ам!

Пока секунды одна за другой лопались рядом, что-то изменилось вокруг. Сияние уже не было таким чистым, к нему добавился багровый отсвет — дрожащий, угрожающий. Отсвет этот коснулся моих рук, и кожа моя закипела от боли, словно в костях моих скрывалась лава, которую наконец выпустили наружу. Пламя, пожиравшее меня изнутри, оказалось настолько мучительным, что я захрипел и скорчился от этой пытки. Кожа на ладонях вспучилась белыми пузырями, задымилась и начала истлевать, и весь я задымился, и стал чернеть, и рассыпаться в прах...

От непереносимой муки горло мое лопнуло и прорвалось диким воем, который тут же стих, словно его заглушили каким-то вселенским выключателем. Вслед за тем прорвалось вокруг меня и само сияние, и в прорывы эти заглянуло что-то невиданное, страшное, чему не было ни имени, ни формы. Страшное увидело меня и как будто застыло в раздумье, но лишь на одну-единственную секунду. Спустя мгновение из него с трудом протиснулась туманная багровая бабочка и неслышно порхнула прямо ко мне, охладив горящее лицо трепетанием крыльев.

Несколько секунд она соблазнительно порхала передо мной и вдруг случайно коснулась моих губ. Сердце мое стукнуло один раз и остановилось, и я умер, и сам стал бабочкой — красной, трепещущей...

Я вздрогнул и пришел в себя. Было утро, щеки моей касались прохладные нежные губы. Все плыло в каком-то мареве, я различал лишь пронзительно-синие глаза, алый рот и зубы, такие белоснежные, каких не изготовит ни один дантист.

— Укусить хотела? — Я еще не пришел в себя после страшного видения и улыбался криво, принужденно. — Зубы обломать не боишься?

— Уже обломала, — сказала она печально. — Вообще-то, я поцеловать тебя хотела.

— И кто же тебе запрещает? — Голос мой звучал фальшиво, и улыбка тоже вышла кривой и фальшивой.

— Ты, — сказала она, и у меня защемило сердце, — ведь ты меня совсем не любишь.

Я откашлялся: Уроборос⁴ Предвечный, опять она за свое!

— Почему не люблю, — пробормотал я, — у нас ровные деловые отношения.

Конечно, говорить такое женщине нельзя даже в шутку, и, похоже, с шутками я сегодня перебрал. Но она, кажется, даже внимания не обратила на мои слова. Ей не важно было, что я говорю, важно — что чувствую. А чувствовал я... Как бы это поточнее сказать? А вот как — ничего я не чувствовал! Ровным счетом ничего, кроме насилия и принуждения, которое сам же над собой и производил.

⁴ Уроборос — именно так, с ударением на последнем слоге, произносят дваждырождённые имя властелина Вселенной.

Что за насилие, скажете вы, и как мог я сам над собой его производить? Очень просто, отвечу я: все дело в том, что Анна любит вашего покорного слугу, а я к ней совершенно холоден. Холоден, как мрамор, как лед, как восставший из могилы покойник. Страшнее всего тут то, что Анна добрая, умная и немыслимая красавица — и такую женщину я не люблю!

Здесь надо кое-что уточнить: когда я говорю, что Анна — немыслимая красавица, это значит, что так оно и есть, без всяких там скидок на мужское бахвальство. Ее бы в Голливуд отправить, она бы в два счета сделала тамошних красоток со всем их силиконом, пластикой и штукатуркой в три слоя. Ей бы даже косметика не понадобилась.

Анна так очаровательна, что ее трудно описать. Ну, скажем, представьте себе юную Лив Тайлер, только в десять раз красивее. Что же касается фигуры — она у нее как у Деми Мур в фильме «Стриптиз». И вот такую женщину я не люблю. Ну не извращенец ли я? Увы, нет. Почему увy? А потому что был бы я извращенец, это хоть немного бы меня извиняло. Однако женщины вообще мне нравятся, а вот Анна — нет. Как говорится, сердцу не прикажешь — даже такому сердцу, как мое.

Но если я ее не люблю, то что я делаю в ее постели? Может, она богата, а мне нужны деньги? Или мне нравится, что рядом со мной такая красавица, и это льстит моему самолюбию? Ни то, ни другое, а совсем даже третье. Меня влечет сюда благодарность и ложно понятое чувства долга.

Пока я думаю об этом обо всем, Лив Тайлер с фигурой Деми Мур смотрит на меня, как, бывает, смотрит на хозяина кошка — молча и неотрывно, словно в нем воплотился весь мир. И, конечно, читает на моем лице все мои чувства.

— Если бы вы захотели быть моим учеником...⁵ — говорит она печально.

Эту строчку из Цветаевой она повторяет часто, но толку от нее никакого. Не хочу я быть ни ее учеником, ни, подавно, учителем, хотя примерно раз в месяц все-таки прихожу к ней в гости. Раз в месяц — а хотел бы еще реже. Рядом с ней меня всегда охватывает томление и тоска, а потом приходят страшные видения.

Заметив, как дрогнуло мое лицо, она говорит то-ропливо:

— Прости, это я во всем виновата. Из-за меня ты стал...

— Я знаю, кем я был, и знаю, кем я стал, — говорю я и сажусь на просторной кровати, на которой так хорошо спалось бы счастливым влюбленным, но совсем не спится нам. — И если ты намерена всю оставшуюся вечность просить у меня прощения, вспомни, что судьбу не переспоришь.

Сказав эти банальные и грубые, в сущности, слова, я быстро одеваюсь и молча иду в прихожую. Анна меня не провожает. Обиделась, может быть? Я был бы только рад. Не потому, что мне нравится обижать женщин, а потому, что это был бы повод для разрыва. Но она не обиделась, просто осталась сидеть в спальне на кровати, где так хорошо спалось бы влюбленным и совсем не спится нам.

Наверное, она так и будет сидеть тут целый месяц, пока я снова к ней не приду, чтобы опять терзаться смутной тоской и спрашивать себя, что я тут делаю. Ладно, черт с ним! Как верно сказал кто-то — уж и не помню кто, — неприятности надо переживать по мере их поступления.

⁵ Из стихотворения Марины Цветаевой «Я сейчас лежу ничком...» (1913 год).

Лифтов я не люблю — они напоминают мне гроб, в который рано или поздно придется все-таки лечь, — и потому, оказавшись на лестничной площадке, сбегая по черной лестнице, каменной, гулкой. Спускаясь вниз, слышу, что к топоту моих ботинок примешался посторонний звук: саднящий, тонкий и чем-то смутно знакомый. Где-то я этот звук уже слышал — притом чуть ли не сегодня ночью. Встаю на лестнице как вкопанный и слушаю. Звук течет сверху и напоминает голос скрипки — как если бы кто-то неопытный завел на ней одну высокую и тоскливую ноту.

Я холодею: этот звук явился мне в ночном кошмаре, а ночные видения имеют неприятное свойство сбываться.

Внутренний голос глухо твердит мне, что, когда рядом плачет ребенок, нечего торчать как пень — надо срочно бежать прочь, потому что ребенок этот не мой, а от чужих детей одна морока, не говоря уже об опасности, которую несут эти маленькие любопытные разбойники таким, как я.

Но кто же, скажите, слушает внутренний голос — никто и никогда! Я в этом смысле не оригинален и, движимый любопытством, иду наверх — туда, где плачет скрипка из моего видения. Об этом своем опрометчивом шаге я, безусловно, очень скоро пожалею.

И точно! Двумя этажами выше на лестничной площадке в углу скорчился маленький, лет восьми, чумазый неандерталец, в обтерханном, пятнистом от грязи и старости пальто, черных мохнатых штанах и огромных серых кроссовках. Именно он издает тоскливый тонкий звук, который я по своей музыкальной неопытности сравнил со скрипкой.

Увидев меня, первобытный человек умолкает и съеживается, пытаясь весь, вместе с головой, уны-

рнуть в свое большое не по размеру пальто. Он, надо сказать, очень старается, но у него не очень выходит. Наконец, отчаявшись, он замирает, вытаращив на меня черные первобытные глазенки.

— Не убивайте, дяденька, — пищит он испуганно.

Я вздрагиваю: внутренний голос как в воду глядел — нахлебаюсь я горя с этим пискуном.

— Что болтаешь, дурак! — говорю я сердито. — С чего ты взял, что я тебя убью?

— У вас глаза злые, — отвечает этот негодяй.

Приятно услышать такое от ребенка. Ты, может быть, думаешь про себя, что ты ангел во плоти, а он тебе: у вас глаза злые! Пришлось нахмуриться и сказать, что глаза у меня не злые, а суровые. Как пелось в русской народной песне: взгляни, взгляни в глаза мои суровые — ну, и так далее. А вообще говоря, что он тут делает, сидя на лестнице?

— Греюсь я, — бормочет мой неожиданный конфиден.

Отличный ответ. Он, видите ли, греется. Действительно, где же и греться, как не на холодной каменной лестнице?

— А скажи-ка мне, прелестное дитя, как тебя звать?

— Ну, предположим, Сашка, — бурчит косматое чудо-юдо.

— А фамилия?

— Предположим, Шварц.

Я начинаю злиться. Так и будем каждое слово клещами тянуть?

— А позволь узнать, уважаемый Сашка Шварц, где твои почтенные родители?

— Нету родителей. — Вид у Сашки делается хмурый. — Сирота я, как есть сирота, и совершенно круглая к тому же.

Я вздыхаю: только совершенно круглой сироты на руках мне сейчас и не хватает для полного счастья.

— Ладно, — говорю я, — нечего тебе тут сидеть. Пойдем, я тебя в полицию отведу.

— Выкуси, дяденька! — неожиданно отвечает маленький дикарь и демонстрирует мне маленькую и довольно грязную фигу.

Выкусывать что бы то ни было я совершенно не готов и пытаюсь прояснить ситуацию.

Оказывается, в полиции Сашка уже был и ничего хорошего ему там предложить не могут — только в приют отправить. В приюте, впрочем, он тоже был, благополучно сбежал оттуда и второй раз не вернется туда ни при каких обстоятельствах.

— Лучше убейте, — деловито предлагает он. — А нет, так усыновите.

Ага, усыновите! Может, тебе дать еще пароль от кредитки, где деньги лежат?

— Извини, друг, но нет у меня полномочий тебя убивать, — отвечаю я совершенно искренне. — И усыновить тоже не могу — по целому ряду обстоятельств, о которых знать тебе не обязательно.

Сашка Шварц в ответ насупливается, как сушеная груша, и велит мне идти куда подальше и не отвлекать занятых людей от серьезного дела. После этого он поплотнее укутывается в свое волосатое пальто и снова затягивает одну тоскливую ноту. Впрочем, нет, нота уже не одна, их несколько, и я, кажется, даже различаю дизезы и бемоли.

— Ходят ко-они... над реко-ою... ищут ко-они... водопо-ою, — невнятно подвывает он, и из воя этого понемногу рождаются слова. — Иэх! Как же коням бы-ить? Ко-они хо-очут пи-ить...⁶ И есть, — добавляет он тонким голосом.

⁶ Песня из кинофильма «Бумбараш», 1971 год.

Последнего слова я не ждал, и сердце у меня замирает.

Прав Сашка, прав: пора уже мне идти лесом. В конце концов, у нас есть полиция, органы опеки и прочие учреждения, которые как раз и занимаются такими вот маленькими лишенцами. Так поступил бы на моем месте всякий, но я, леший меня подери, так поступить не могу. Я с детства жалел брошенных котят, а сидевший передо мной на полу Сашка Шварц был именно что брошенным котенком, только без хвоста и не такой мохнатый.

Я гляжу на часы и понимаю, что на работу опаздываю совершенно зверски. Тащить мальчонку с собой нельзя, отвезить его ко мне домой — далеко. Прости, Аннушка, придется, видно, злоупотребить твоим ангельским терпением...

Когда я снова позвонил ей в дверь, она, кажется, даже не удивилась. Есть, знаете, такие женщины — ничему не удивляются и все принимают как должное. Она стояла на пороге и смотрела на меня нестерпимо синими своими, словно летнее небо, глазами. Потом перевела их на Сашку.

— Познакомься, это Саша, — представляю я ей свое новообретенное сокровище.

— Да не просто Саша, — лезет вперед нахальный оголец, — а, натурально, Саша Шварц. Прошу любить и жаловать, и все такое прочее!

Я тоже прошу Анну, но не любить и жаловать Сашку, а просто приютить его на несколько часов. Вечером приду — заберу.

— Здравствуй, Саша, — безмятежно говорит Анна. — Сколько тебе лет?

— Пес его знает, — бурчит Сашка. — А вам не все равно?

Анна вздыхает, смотрит на меня. Я развожу руками.

— Ладно, — говорит она. — Проходи в дом, гостем будешь.

— Салфет вашей милости, красота вашей чести. — Мальчишка кланяется ей в пояс и важно следует внутрь.

А он не прост, твой подкидыш, читаю я в ее глазах перед тем, как дверь закрывается перед моим носом.

Вниз я еду уже на лифте — черт с ней, с клаустрофобией! Второго такого Шварца я сегодня уже не выдержу.

Только выйдя на улицу, я вспоминаю, что Сашка голоден, а Анне, разумеется, угостить его нечем, если только он не любитель охлажденной крови. Ничего, в конце концов, можно и в магазин сбегать. Главное, чтобы она сама не решила им закусить. Но, разумеется, этого просто не может быть. Я Анну знаю, закон она блюдет, и кормиться малознакомыми детьми — совершенно не в ее духе.

Вызываю такси. За окном моросит мелкий дождик, но дорога почти свободна, и спустя четверть часа я каменным шагом пушкинского Командора вхожу в редакцию «НН».

«НН» — это, как легко догадаться, сокращенное название газеты, где я вершу свой трудовой подвиг. Полностью оно звучит несколько странно — «Неизвестные новости». Каким еще и быть новостям, как неизвестным? Известные новости — это, извините, уже не новости никакие, а пережеванное дерьмо. Правда, есть еще версия расшифровки загадочной аббревиатуры — «Незнакомые новости». Или даже так — «Новейшие новости». Короче говоря, общий смысл такой, что новости наши — самые новые, эксклюзивные, и гадили мы на всех с высокой елки.

На самом же деле у нас, точно так же как и везде, шерстят разные ленты новостей и копипастят⁷ чужие информашки и лонгриды⁸, только добавляют в текст дополнительных врак и вообще переписывают его так, что ни мать родная, ни даже бабушка не узнает. Ссылок на оригинал, естественно, тоже не дают — перетопчетесь! Вот так оно и выходит, что новости у нас все сплошь никому не известные, незнакомые и новейшие. Еще пару лет назад газета называлась гораздо проще: «Медийный эксклюзив», потом главный решил, что сокращение — «МЭ» — звучит неблагозвучно. О чем и сообщил на очередной планерке всему нашему дружному коллективу.

— На «ме-е» похоже, — сказал он, яростно сверкая глазами из-под очков, — как будто овцу пришибли и на шашлык отправили!

— Эту овцу не пришибешь, — заметил я примирительно. — Эта овца сама всех пришибет и на шашлык отправит.

Однако голос разума не был услышан, и новое название — «НН» — приняли единогласно при одном воздержавшемся.

— Да чего ты выпендриваешься, хорошее название, по звуку на CNN похоже, — сказал мне после планерки ответсек Валюша, плотный бородач с длинными, как у Буденного, усами, выращенными в ближайшем барбершопе за сравнительно небольшие деньги.

⁷ Копипаст — от английского *copy-paste*, то есть «скопировать и вставить»; метод создания собственного материала из чужих.

⁸ Лонгрид — от английского *long read*, долгое чтение; большой текст о чем угодно и в любом жанре в противоположность новости или информашке, которая обычно сильно ограничена в размерах.

— По звуку, может, и похоже, а по содержанию как были мы овцой, так овцой и остались, — отвечал я. — Ты сам подумай — «Новейшие новости»! Название — радость олигофрена, сразу видно, шеф лично постарался.

Валюша посмотрел на меня с укором, покачал головой и пошел от греха подальше. Народ никак не привыкнет, что я в газете на особом положении и говорю вслух такое, о чем другие и подумать боятся. Впрочем, мсье-дам, удивляться не приходится: в нашем кефирном заведении ваш покорный слуга — звезда первой величины. Публицист, эссеист, колумнист, веду популярную колонку «Социопатия». Пишу, в общем-то, обо всем на свете: тут, как легко догадаться, не тема рулит, а манера изложения. В последнее время, правда, политику не трогаю. Очень они стали обидчивые, эти политики, чуть чего — за решетку норовят упечь. Впрочем, все прочие тоже сделались нервно-больными — от режиссеров до актуальных художников. Юмор от сатиры не отличают, а уж правду о себе слышать не хотят просто категорически.

Пару дней назад, например, написал я колонку о новой выставке акциониста Г. Ничего не приукрашивал, писал чистую правду. Начало было такое:

«С тех пор как изобрели так называемое актуальное искусство, необходимость снимать штаны посреди улицы и испражняться прилюдно отпала окончательно. Это лишний раз блистательно доказывает своим творчеством известный в узких кругах самодельный культуртрегер и акционист Г...»

Ну, скажите мне, какой нормальный человек будет на такое обижаться? Но в том-то и дело, что Г. никогда нормальным-то и не был, а всегда был акционист и актуальный художник.

Когда колонка вышла, эта сволочь позвонила в редакцию, в секретариат, и визжала, как сотня